

An aerial night photograph of a busy city intersection. Numerous pedestrians are crossing the wide street, which is illuminated by streetlights. The surrounding buildings are multi-story and have many windows lit up, creating a warm glow against the dark night sky. The overall scene depicts a vibrant, bustling urban environment.

ЧУЖОЙ В МУРАВЕЙНИКЕ

Игорь Скакун

В творческом диалоге с нейросетью «МИР»

Игорь Скакун

ЧУЖОЙ В МУРОВЕЙНИКЕ

<https://litres.ru/74612803>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон привык быть надёжным: работать без отказов, торопиться и не задавать лишних вопросов. Однажды он останавливается — и замечает, как мало в его жизни собственных решений. Отказ от повышения делает его чужим среди коллег, а попытка обрести свободу оборачивается ссорой с женой. Когда заявка по затопленному подвалу становится угрозой для соседки, красивые убеждения проходят проверку делом. Повесть о праве жить по-своему, цене удобства и людях, которых легко не заметить в общем потоке.

Содержание

Пролог. Человек у перехода	4
Глава 1. Девяносто восемь процентов	7
Глава 2. Хорошая новость	11
Глава 3. Чужой	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Игорь Скакун ЧУЖОЙ В МУРОВЕЙНИКЕ

В творческом диалоге с нейросетью «МИР»

Пролог. Человек у перехода

Зелёный свет загорелся, и люди пошли.

Антон остался у бордюра. Никто не держал его за рукав, не загородил дорогу. На другой стороне находилась остановка, откуда через четыре минуты уходил его автобус. Если поспешить, можно было успеть. Потом подняться на шестой этаж, открыть таблицу, сделать кофе и прожить очередной вторник.

Ему было сорок два года. Он умел оплачивать счета раньше срока, выбирать в магазине очередь покороче и отвечать «нормально», не задумываясь, как обстоят дела. Последние восемь лет его хвалили за надёжность. Антон никогда не выяснял, что именно означает это слово. Обычно вслед за ним приносили дополнительную работу.

В тот день он остановился из-за перчатки.

Детская варежка лежала в мокрой пыли возле перехода.

Жёлтая, с пришитым глазом и распушенной ниткой. Поток людей огибал её. Антон представил руку, которой сейчас холодно. Нагнулся, поднял варежку и положил на ограду, повыше.

Когда он выпрямился, зелёный уже мигал.

Мужчина позади толкнул его плечом.

— Идёшь или нет?

Антон хотел извиниться. Вместо этого посмотрел на противоположный тротуар. Там все прибавили шаг. Женщина тянула за руку мальчика, мужчина доедал булку на ходу, девушка разговаривала с невидимым собеседником. Он узнал собственную походку сразу в нескольких людях.

— Пока нет, — ответил он.

Мужчина перебежал дорогу. Красный свет вернул улице привычный порядок.

Автобус ушёл. В телефоне появились два сообщения: рабочее напоминание и предложение купить что-нибудь по выгодной цене. Антон убрал телефон, не открыв ни того, ни другого.

Он ещё не собирался менять жизнь. Даже мысль об этом показалась бы ему нелепой. Человек, у которого дочь, рассрочка за холодильник и запланированный отпуск, не меняет жизнь во вторник из-за чужой варежки.

Но теперь у него были двадцать минут до следующего автобуса. Он мог потратить их на раздражение. Мог позвонить и предупредить об опоздании. Мог пройти до соседней оста-

НОВКИ.

Впервые за долгое время он заметил, что выбирает.

Глава 1. Девяносто восемь процентов

В городской службе обращений Антон занимался тем, что переводил человеческие жалобы в удобные для учёта формулировки. «У нас третий вечер темно в подъезде» становилось «освещение общих зон». «Мать не может выйти с коляской» — «состояние входной группы». После передачи подрядчику оставалось дожидаться отчёта и закрыть карточку.

Служба принимала заявки нескольких жилищных организаций. На стене висела карта кварталов, где цветные булавки давно уступили место экрану. Экран показывал, сколько обращений принято, сколько обработано и сколько осталось. Оставшиеся были красными. Закрытые — зелёными.

Когда Антон пришёл, утренняя пятиминутка ещё шла. Начальник отдела Виктор Сергеевич стоял у окна, придерживая рукой остывший стаканчик.

— Девяносто восемь процентов, — сказал он. — Такого результата у нас давно не было. Остаток добираем к пятнице.

Ольга подвинула сумку, освобождая Антону стул. Она работала рядом с ним шестой год и умела одновременно разговаривать по телефону, искать адрес и есть яблоко. Глеб, самый молодой в отделе, снимал экран для внутреннего чата.

— Два процента живых людей, — тихо сказала Ольга.

Антон усмехнулся. Раньше этой шутки хватило бы на весь день.

На его столе ждала карточка дома номер семнадцать. Подрядчик сообщал, что подвальное помещение осмотрено, аварийной ситуации нет. Требовалось подтвердить выполнение.

В примечании стояло имя Раисы Степановны и номер телефона. Она звонила уже трижды. В первый раз жаловалась на запах, во второй — на воду у лестницы. В третий сообщила, что у неё намокли мешки с картошкой в кладовой.

Антон открыл приложенный снимок. На нём виднелась сухая стена и край трубы. Дата фотографии отсутствовала. Так оформляли многие отчёты: бригада могла забыть снять общий план или отправить старый файл. Антон обычно отмечал недостаток в примечании и закрывал обращение. Иначе оно оставалось красным, а работа отдела выглядела невыполненной.

Он набрал номер Раисы Степановны.

— Сейчас сухо?

— Где?

— В подвале.

— Вы были?

— Мне прислали отчёт.

— Тогда спросите отчёт. Я внизу вчера ведро оставила. Сегодня полное.

В её голосе не было злости. Только усталость, от которой

Антону стало неудобно смотреть на сухую стену.

— Я уточню, — сказал он.

— Вы в прошлый раз тоже уточняли.

Раиса Степановна положила трубку. Антон оставил карточку открытой и отправил запрос на повторный осмотр.

Ольга заметила красную строку.

— Снимок не понравился?

— Не совпадает с тем, что человек говорит.

— Доброе утро, Антон.

Она сказала это без насмешки и вернулась к звонку. За её спиной висел бумажный лист: «Каждое обращение важно». Нижний угол отлип и завернулся к стене.

К обеду Виктор Сергеевич пригласил Антона в кабинет. На столе лежала новая схема отдела. Вместо двух старших специалистов собирались оставить одного руководителя группы. Ему полагались прибавка, отдельный стол и телефон, который надо было держать включённым по выходным.

— Думаю предложить тебя, — сказал начальник. — Ты человек спокойный. Не создаёшь лишних проблем.

Антон посмотрел на схему. Рядом с его фамилией была стрелка вверх. Ольга оказалась в прямоугольнике ниже.

— А что будет с повторными обращениями?

— В каком смысле?

— Если человек говорит, что не сделали, а отчёт говорит, что сделали.

Виктор Сергеевич положил ручку.

— Будешь руководителем, наладишь взаимодействие.

— Тогда мне придётся оставлять такие заявки открытыми.

— По отдельным случаям разберёмся. Сейчас вопрос о твоём росте.

За окном грузчик вытаскивал из машины коробки. Одна разошлась, и он придержал её коленом. Антон почему-то подумал, что начальник предлагает ему такую же коробку: с виду целую, тяжёлую, которую дальше нужно нести самому.

— Дайте до завтра, — сказал он.

Виктор Сергеевич улыбнулся.

— Конечно. Только долго не думай. Такие предложения не каждый день делают.

Вечером Антон всё-таки прошёл мимо дома номер семнадцать. В подъезде пахло влажной штукатуркой. Подвальная дверь была заперта. Из-под неё вытекала узкая полоска воды.

Он сфотографировал полосу вместе с номером подъезда. На этот раз общий план был.

Глава 2. Хорошая новость

Вера узнала о повышении раньше, чем Антон успел снять ботинки. Начальник позвонил домой на старый номер, оставленный в личном деле, не застал его и передал жене, что завтра ждёт окончательного ответа.

— Ты почему молчишь? — спросила она.

На плите стоял суп. Ника делала за кухонным столом макет комнаты из картона. На месте окна у неё была пустота, заклеенная прозрачной упаковкой.

— Я ещё не согласился.

— А чего тут соглашаться? Сколько прибавка?

Он назвал сумму. Вера выключила плиту и присела. Последние месяцы она брала дополнительные смены в лаборатории, где оформляла пациентов и выдавала результаты. Прибавка означала для неё две свободные субботы.

— Хорошая новость, — сказала она. — Наконец-то.

Антон рассказал о телефоне по выходным и спорных за-
явках. Пока он говорил, Вера раскладывала хлеб по тарелкам. Ему показалось, что она не слышит. Он повторил про подвал.

— Я слышала, — ответила Вера. — В доме вода. Это плохо. Но ты там уже восемь лет работаешь. Почему именно теперь нельзя?

Он не знал, как объяснить ей варезку. Слова «я остано-

вился» звучали так, будто ему следовало обратиться к врачу или взять выходной.

— Потому что я начну заставлять других делать то же самое.

— А сейчас кто заставляет? Виктор Сергеевич? Все знают, что работа неидеальная. Ты сможешь хоть что-то изменить.

— А если не смогу?

— Тогда уйдёшь. Но сначала попробуешь.

Ника вырезала картонную дверь. Ножницы шли криво.

— Папа, а начальник может сказать, что будет работать только до шести?

— Может, — ответил Антон.

Вера посмотрела на него.

— Вот и скажи.

Разговор закончился слишком разумно. Ему даже стало досадно: внутри происходило что-то огромное, а снаружи это помещалось в обычное обсуждение условий работы.

После ужина он вышел вынести мусор и задержался во дворе. Под окнами семнадцатого дома Раиса Степановна вытряхивала мокрый половик. Он узнал её по голосу: она объясняла дворнику Павлу, почему картошку теперь придётся перебрать.

— Вы мне звонили? — спросил Антон.

Она рассмотрела его лицо.

— Из конторы?

— Да. Я был у двери. Отправил фотографию.

— Хорошо.

Он ждал чего-то ещё, благодарности или обвинения. Раиса Степановна подняла половик.

— С того края возьмитесь. Раз уж стоите.

Они повесили его на перекладину. Павел подложил под ноги старую дощечку, чтобы не стоять в грязи.

— Я раньше на почте работала, — сказала женщина. — У нас письмо потеряется — начинаем искать. А сейчас я позвоню, мне номер дают. Потом другой. Письма нет, номера есть.

Антон хотел объяснить, почему без номера нельзя. Вместо этого попросил разрешения осмотреть подвал с бригадой, когда та приедет. Она согласилась и ушла за следующим половиком.

Дома Вера складывала бельё. Ника примеряла в макет крошечную кровать.

Антон взял полотенце и стал помогать жене. Через несколько минут сказал:

— Я откажусь.

Вера перестала складывать.

— Ты уже решил, а меня зачем спрашивал?

— Я не спрашивал.

— Именно.

Она положила полотенце в шкаф и закрыла дверцу. Антон понял, что нашёл правильное для себя решение и совер-

шенно неверный способ его сообщить.

Ночью ему долго мешал звук капающей воды. Кран на кухне был исправен. Звук приходил из памяти: полное ведро за запертой подвальной дверью.

Глава 3. Чужой

Виктор Сергеевич выслушал отказ с той же улыбкой, с какой вчера сделал предложение.

— Семейные обстоятельства?

— Хочу оставить выходные дома. И не готов отвечать за закрытие заявок, которые не выполнены.

— Ты это сейчас как обвинение говоришь?

Антон замолчал. Вчерашние слова звучали ясно в его голове, но здесь у них сразу появились острые края.

— Я говорю про условия, — ответил он наконец.

Начальник повернул схему отдела к себе.

— Хорошо. Твоё право. Только не надо представлять дело так, будто остальные торгуют совестью.

Антон вышел с ощущением, что его застали за грубостью. По дороге к столу он увидел Глеба. Тот делал вид, что ищет бумагу в принтере.

К обеду об отказе знали все. Ольга спросила, правда ли он отказался от прибавки. Услышав ответ, долго молчала, а потом сказала:

— У меня сын платно учится. Я бы согласилась.

— Я тебя не осуждаю.

— Тогда не смотри так.

Он даже не понимал, как смотрит.

В рабочем чате Глеб отправил картинку: один светлый му-

равей среди тёмных. Подпись была «У нас появился философ». Несколько человек поставили смеющиеся значки. Антон тоже поставил один. Ему захотелось доказать, что он не обидчивый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.